

Попова Ирина Михайловна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской филологии
ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов
llv82@mail.ru

Глазкова Марина Михайловна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии ФГБОУ ВПО
«Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов
rusfilol37@mail.ru

«Цитатность» как способ выражения авторской позиции в романе «Зеленый шатер» Л. Улицкой. Лейтмотив «имаго»

Аннотация. В статье анализируется лейтмотив «имаго» в романе Л. Улицкой «Зелёный шатёр» путём исследования функциональности широкого литературного интертекста, помогающего раскрыть авторский замысел, определить идейно-художественную доминанту произведения, понять концептуальные смыслы мотивных структур.

Ключевые слова: лейтмотив, мотивная система, языковой материал произведения, коммуникативный фрагмент, интертекстуальные переключки, интертекстемы, литературные ассоциации.

Раздел: (05) филология; искусствоведение; культурология.

Главным героем романа «Зелёный шатёр» является Время, историческая эпоха 1951-1990 годов. Закономерно, что в финале произведения Людмила Улицкая благодарит своих друзей, ставших прототипами главных героев книги, выделяя среди них «безукоризненных и оступившихся в мясорубке времени, устоявших и не очень, свидетелей, и героев, и жертв ...» [6, с. 589]. Судя по логике повествования, всех персонажей романа объединяет (кроме Сани и Лизы) то, что они остались «имаго», то есть недоразвитыми личностями, взрослыми детьми, не сумевшими адекватно приспособиться к реальности, ко Времени.

В конце романа разменявшие пятый десяток герои прощаются навсегда, и Лиза неуверенно говорит ставшему всемирно известным музыкантом Сане: «Кажется, мы стали взрослыми, но теперь я знаю гораздо меньше, чем в юности» [6, с. 586]. Так, лейтмотив «имаго» (детства и детскости) завершается вместе с повествованием, пронизывая его насквозь и определяя центральную философско-художественную идею произведения. Её озвучивает Саня: «Время слоится, <...> всё происходит одновременно. Ближе к концу ... отсюда цитатность. Кажется, ничто ценное не устаревает» [6, с. 586].

Автор делает способом выражения своих идей «коммуникативные фрагменты» [1, с. 122], то есть цитаты, которые хранятся в памяти каждого советского, говорящего на русском языке человека, поскольку «процесс смысла порождения индуцируется исключительно языковым материалом <...>, от него исходит и к нему возвращается [1, с. 320]. Поэтому мотивный анализ должен представлять собой изучение интертекстуальных переключек, рождённых самой языковой тканью художественного произведения [3, с. 13].

Интертекстемы, которые в конечном результате имеют целью приращение художественного смысла, пробуждения литературных ассоциаций читателей, способствуют у Л. Улицкой обоснованию её эстетической и аксиологической авторской программы.

Так, интертекст романа «Былое и думы» А. И. Герцена, точный фрагмент клятвы Сани и Ника на Воробьёвых горах, стал скрепой фабулы романа. «Крючок впива-

ется в самое сердце, и нить, связывающая людей детской дружбой, не прерывается всю жизнь», – пишет автор «Зелёного шатра» [6, с. 14]. С этой герценовской цитаты разворачивается лейтмотив «имаго», имеющий несколько аспектов, выраженных словами «детство, детскость, сиротство, безотцовщина» и отражающих авторское видение эпохи второй половины XX века.

Одним из основополагающих аспектов лейтмотива «имаго» является понятие «детскость», ярче всего отражённая в личности Миши Меламида [5, с. 134]. Судьба этого героя представляет своеобразную иллюстрацию к призыву Апостола Павла из Первого послания к коринфянам: «Братия! Не будьте дети умом: на злое будьте младенцами, а по уму будьте совершеннолетни [1 Корф. 14:20].

Обладая добрым и отзывчивым сердцем, главный герой видит смысл жизни в служении окружающим людям, в долготерпении и прощении обид. В детстве «он был идеальной мишенью для всякого неленивого», но прощал побои, издевательства, жалел обидчиков и даже слагал о них свои детские стихи. Во взрослой жизни Миша остался почти таким же: его детскость непобедима: зная, что если он пустит к себе ночевать крымских татар, то может лишиться свободы, он не может поступить осторожно, повзрослому. Крах учительства Миши в школе для глухонемых тоже был связан с его неосторожной доверчивостью, которую он проявлял ко всем ближним и дальним.

Необходимо отметить, что смысл, который вкладывает писатель в понятие «детскость», отчасти совпадает с библейским, подразумевающим искренность и незлобивость: «Если не будете как дети, то не внидете во Царствие Небесное» [Матф. 19: 13-15]. Эти качества в большей степени свойственны Мише и Сане. В отличие от них Илья живёт только теоретически в мире литературы, возвеличивая идею борьбы за свободу; а Миша и Саня живут «сердцем действуя, и делом, и словом». Илья, по сути, равнодушен к общественной деятельности Миши, презрительно называет его глухонемых сирот-воспитанников «глухарями».

Через евангельский интертекст Саня обвиняет Илью, что он «посадил и погубил» Мишу: «Соблазнил. Ну, помнишь про малых сих»?

– Нет, – твердо отрекся Илья. – Мы все в совершенных летах. Что я не прав? [6, с. 204].

Этот разговор показывает, что Миша подсознательно следует евангельской истине «возлюби ближнего как самого себя», Саня тоже старается, он знает эту истину в теории, но занят своим переживаниями (хотя «служил» самозабвенно семье Миши), а Илья живет в основном эгоистическими порывами.

Лейтмотив «имаго» в романе имеет не только евангельский, но и биологический смысл. Наблюдая за развитием друзей, учитель литературы Виктор Юльевич Шенгели развивает теорию «имаго». Он считает, что только «взрослая особь (имаго) – совершает самостоятельные поступки и мышление». Виктор Юльевич уверен, что советские люди живут в обществе «личинок, не выросших людей, подростков, закамуфлированных под взрослых». Отсюда и «государство с поврежденным рассудком» [6, с. 204].

Инициация, то есть переход во взрослые, по убеждению учителя, происходит тогда, когда «от дикости и хамства юноша одномоментно входил в культурное состояние, в нравственную взрослую жизнь». При этом он оговаривается: «Но институты, образование не застраховывали от того, что образованные врачи, психологи и инженеры потом налаживали наиболее рациональную систему истребления и утилизации людей в третьем рейхе. Объем знаний не обеспечивал нравственной зрелости» [6, с. 204]. Очевидным для учителя было то, что таким детям всё же не хватало примера великой русской литературы.

Виктор Юльевич обращается от научных исследований к русской классике, перечитывая «Детство. Отрочество. Юность» Толстого, «Былое и думы» Герцена, «Детские годы Багрова-внука» Аксакова. И делает вывод, «как мучительно детская душа принимает полный несправедливости и жестокости мир, как пробуждается к сочувствию, состраданию» [6, с. 82]. Давая анализ названных выше книг, учитель приходит к мысли, что вершина русской классической литературы – «Капитанская дочка» А. С. Пушкина – имеет огромный педагогический эффект, потому что книга открывает дверь туда, где «пятнадцатилетний недоросль ... прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды, мосье Бопре спал пьяным сном, и батюшка выволакивал вон нерадивого, к радости крепостного дядьки Савельича», но где был Петруша Гринев научен, преодолевая жестокие испытания, сберегать прежде всего свои «честь и достоинство, которые становились дороже жизни» [6, с. 82].

В знаковой главе романа «Зелёный шатёр» «Имаго» Илья поддерживает это убеждение и смысл детскости в желании Миши Меламида сохранить человеческое достоинство. Илья учит друга: «Глупости романтические у тебя в голове. Зачем выбор? Какой выбор? Детский сад какой-то. Нет никакого выбора... <...> В определённый момент почувствуешь – вот тут опасно. Значит, пока не лезь. Граница-то всем видна. А там разберёмся» [6, с. 518]. Миша уловил одно: что-то было не так в рассуждениях Ильи. Сердце подсказывало, что выбор будет самым трагичным [4, с. 129].

Миша как взрослый критически относится к себе, осознаёт свою «несостоятельность» и в жизни, и в творчестве: «Детские, детские стихи. Скоро тридцать четыре года. И всё ещё детские стихи. И взрослых не будет никогда. Потому что я так и не вырос» [6, с. 540-541].

Вполне корректно Тюрина М.В. резюмировала: «Для Миши, преданного своей земле, была страшна сама мысль, что он может покинуть свою страну» [5, с. 136].

«Недоразвитость» всего общества подчёркнута автором в главе «Имаго» с помощью «цитатности» из творчества Достоевского. Рассказывая, как обсуждали выступление по телевизору Чернопятава, известного борца с советской властью, казавшегося в своих грехах «талантливо – если можно совершать подлость талантливо». Миша и Илья видели, что у всех была налицо только жажда перемен. Разных перемен – кому каких: «Сотни людей после вчерашней передачи обсуждали это событие. Сильно запахло «Бесами» [6, с. 515].

Интертекстом Достоевского повествователь как бы вопрошает: «Открыл ли Достоевский особую стихию русского революционного беснования или невзначай создал её, заодно со своими литературными героями, Ставрогиным и Петенькой Верховенским. Об этом и проговорили весь вечер Миша с Ильёй. Но ни к каким окончательным выводам не пришли. Слишком много неизвестного было в этой истории» [6, с. 516].

Посредством обращения к роману «Бесы» Достоевского автор выражает своё отношение к эпохе сталинизма, виновного в такой детскости запуганного, «окопавшего от страха» народа, жившего «безумной жизнью» [6, с. 106–107]. Повествователь уверен, что с «имаго» советского народа связаны также проблемы тотального сиротства и безотцовщины. Действительно, вводя строфы стихотворения И. Ф. Анненского, Миша выражает чувство сиротства, ощущения разрушенного, покинутого жилища:

*Сердце дома. Сердце радо. А чему?
Тени дома? Тени сада? Не пойму.
Сад старинный, все осины – тощи, страх!
Дом – руины... Тины, тины, что в прудах...*

Что утрат-то!... Брат на брата... Что обид!...

Прах и гнилость... накренилось... А стоит...

Чьё жилище? Пепелище?... Угол чей?

Мёртвой нищей логовище без печей... [6, с. 493–494].

В главе романа «Зелёный шатёр», символично названной «Все сироты», показано, что «добровольное сиротство» выражается прежде всего в потере «исторической памяти» и «любви к отеческим гробам» [А. С. Пушкин].

Эта мысль доказывается на примере судьбы Антонины Наумовны – матери Оли, только после смерти которой открылось, что объявленное ею сиротство было мнимым, «политическим». Член Союза писателей, знаменитая своими «ложно патристическими опусами» и тем, что описывала когда-то вместе с двумя мужчинами из ОГПУ «бумаги» В. Маяковского, «покойника-самоубийцы», она после смерти оказалась «совсем Ничто-пшик» [6, с. 173].

Антонина Наумовна малодушно отказалась даже от памяти всей своей родни, в которой был её дед – святой архиепископ, молившийся за всю Россию. Оля с удивлением после смерти матери узнала о своём славном роде. Отказавшись от родителей при жизни, Антонина Наумовна в момент смерти вспомнила о них и звала мать и отца, осознавая тяжесть греха отступничества. Владыка Никодим явился ей только в посмертии.

Безотцовщина и сиротство – фактор «имаго» – проявляются как критерий нравственности, когда дети становятся неизбежными сиротами при живом отце. У Ильи, например, есть «сын-урод», к которому он проявляет преступное равнодушие. Рождение неполноценного ребёнка вызвало у него только нежелание больше иметь детей даже от горячо им любимой Ольги. Для сына Ильи становится настоящим отцом сын Ольги – Костя, добрый и бескорыстный человек.

Костя восстанавливает прерванную традицию рода: он заботится также об упокоении «мощей своего прадеда». Константин забрал и сводного брата Илюшу к себе после смерти его родителей.

Через цитату из стихотворения А. С. Пушкина «О кладбище» сын Ильи, которого тоже зовут Илья, передаёт эту авторскую мысль о восстановлении исторической памяти в следующих поколениях, о возрождении России и обретении её «блудными сынами» любви к «отеческим гробам» [6, с. 381].

Повествователь демонстрирует и другой вариант: полной и безвозвратной потери себя, своей национальной идентичности на примере судьбы Дмитрия Степановича Дулина. «Бедный кролик» – это не только название главы, где изложена история жизни героя, но и метафора его характера и его жизни. Несмотря на то, что Дулин делает великолепную карьеру, становясь директором научно-исследовательского института, он остался несмышлёным кроликом, бездарным и бесхребетным, не помнящим родства.

В словах профессора Винберга выражено авторское мнение об этом человеке: «Детская страна! Культура блокирует природные реакции у взрослых, но не у детей. А когда культуры нет, блокировка отсутствует. Есть культ отца, послушание, и одновременно неуправляемая детская агрессия» [6, с. 390].

Концепт «имаго» понимается здесь Л. Улицкой как противоположный евангельскому смыслу «детскости спасительной». Если в проповедях Иисуса Христа детскость является важнейшим качеством для всякой человеческой души и проявляется как искренность, всепрощение, кротость, то в понимании повествователя «имаго» – это синоним недоразвитости, духовного примитивизма, неумения вписаться в обстоятельства окружающей жизни.

Психология русской детскости – проблема, интересная и для Виктора Юльевича Шенгели. Он цитирует Л. Н. Толстого, который детство назвал «мучительный период, пустыня отрочества». Учитель рассуждает: «И похоже, не все выбирались из этой пустыни, а значительная часть оставалась в ней навсегда [6, с.78].

Для Виктора Юльевича очень важно мнение биолога Миши Колесника, который размышлял о человеческих личинках, недоразвитых, но способных воссоздавать себе подобных. Учитель пишет книгу «Русское детство», размышляя над судьбой русского народа, определяя его ментальные черты путём анализа мыслей русских писателей-классиков. Цитатность становится основой его исследования.

Но как говорил Апостол Павел: «Знание надмевает, а любовь назидает» [1 Корф. 8:1]. Поэтому исключительно биологический взгляд на человека не может быть верным. Например «Бедный кролик» Дулин, серая бездарность, но добряк, творящий по неведению преступления, описан теоретически точно, но без любви и сочувствия автора произведения.

Цитата из поэмы Максимилиана Волошина позволяет увидеть и другое стремление писательницы: понять подсознательную православную жертвенную ментальность своих персонажей.

«На дне души гудит подводный Китеж –

– Наш неосуществимый сон! [1, с. 32]

И действительно, токи подводного Китежа, аксиологию православия чувствуют через русское слово, русскую культуру все персонажи романа «Зелёный шатёр», ведь, по словам Апостола Павла, «всё это происходит с нами, как образы; а описано в наставление нам, достигших последних веков» [1 Корф. 10:11].

Ещё один аспект «имаго» отражается в романе посредством интертекста произведения В. Г. Короленко. В главе романа Л. Улицкой, названной «Дети подземелья», описаны трагические события, произошедшие на похоронах Сталина, когда погибли сотни людей. Автор вводит варьированный интертекст повести Короленко, подчёркивая не столько реальную нищету народа, отсутствие «солнца» в быту, сколько потерю свободы мысли, увлечение молодёжи поисками кумиров, искреннее, детское поклонение тирану основной «массой населения». Интертекстема имеет в романе и фабульный смысл, ведь и буквально Илья спасается под землёй, в канализационном коллекторе, от гибели в день прощания с «отцом всех народов». Детское любопытство явилось причиной спасения и выживания.

Таким образом, в ходе анализа лейтмотива «имаго» стала очевидной многофункциональность интертекста в романе Л. Е. Улицкой «Зелёный шатёр»; с помощью варьированных цитат происходит утверждение главной идеи романа; посредством аллюзий и реминисценций характеризуются главные и второстепенные персонажи, выражается авторская позиция через лейтмотив «имаго» и его инварианты (детскость, сиротство, безотцовщина). В целом, ясно обнаруживается писательская интенция, утверждающая, что в самые суровые Времена основными ментальными чертами русской интеллигенции были влюблённость и крепкая вера в особое высокое духовно-нравственное предназначение русского слова.

Ссылки на источники

1. Волошин М. А. Пути России: Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1992. – 247 с.
2. Гаспаров М. П. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 313 с.
3. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 272 с.
4. Попова И. М., Глазкова М. М. Средства выражения концептуального смысла в романе Л. Улицкой «Зелёный шатёр» // Современные проблемы филологии: материалы II международной конференции. Тамбов, 16 апреля 2012 г.: Изд-во Першина Р. В. – С. 129–134.
5. Тюрина М. В. Концептуальный смысл «Имаго» в романе Людмилы Улицкой // Современные проблемы филологии: материалы II международной конференции. Тамбов, 16 апреля 2012 г.: Изд-во Першина Р. В. – С. 134–138.
6. Улицкая Л. Е. Зелёный шатёр. М.: Эксмо, 2011. – 592 с.

Irina Popova,

doctor of Philology, Professor, head of Russian language Department
FSBEI HPE Tambov state technical university, Tambov

kafedraruss@mail.ru

Marina Glazkova,

candidate of Philological Sciences, Associate Professor, of Russian language Department FSBEI HPE Tambov state technical university, Tambov

rusfilol37@mail.ru

ISSN 2304-120X

2 5

«Citing», as a way of expressing the author's position in the novel «Green tent» L. Ulitskaya. The leitmotif of the «imago»

Abstract. The article analyzes the leitmotif of the «adults» in the novel of L. Ulitskaya «Green tent» by exploring functionality wide literary intertext, helping to understand the author's idea, to define the ideological and artistic dominant works, understand the conceptual meanings motivic structures.

Key words: keynote, motivic system, language material works, communicative fragment, intertextually roll call, Intertextile, literary Association.

Рекомендовано к публикации:

Некрасовой Г.Н., доктором педагогических наук, профессором, членом редакционной коллегии журнала «Концепт»